

а средствами самого действия, которое *становится из реактивного чувствительным и рефлексивным*.

Подавляющее большинство исследований исполнительных действий было стимулировано задачами психологии труда, инженерной психологии, эргономики, психологии спорта. Что касается общей и экспериментальной психологии, то предметно-практическое, исполнительное действие претерпевало в ней странную судьбу. Оно очень редко выступало перед исследователем в своей самоценности. В большинстве случаев оно изучалось не как таковое, а в своей функциональной, служебной роли.

Действию как бы задавались прагматические вопросы: зачем, для чего? Исследователи будто бы сомневались в его самодостаточности и рассматривали не как фундамент, а как трамплин, облегчающий прыжок к восприятию, памяти, мышлению, эмоциям. А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн даже выстраивали систему аргументов в пользу трактовки действия как такого же полноценного предмета психологического изучения, каким являются восприятие, внимание, память, мышление. Но им (пожалуй, кроме А. В. Запорожца) не терпелось перейти, прыгнуть от действия к высшим психическим функциям, к числу которых действие они все же не относили.

Внешняя и внутренняя формы действия

Поиск, ориентировка, запоминание, выбор, решение — это высшее, а исполнение — оно и есть исполнение, оно служебное, само собой разумеющееся, элементарное, почти низшее. Хотя это последнее слово не произносилось, но оно подразумевалось. А от низшего, естественно, хочется быстрее перейти к высшему. И переходили, выстроив «теорию интериоризации», согласно которой практическое действие с весомыми, грубыми, зримыми предметами «вращивается», постепенно переходит в тонкую идеальную материю собственно психического, во внутренний план умственной деятельности. Такая логика кажется бесспорной, самоочевидной, эмпирически оправданной. И в самом деле, ребенок сначала считает палочки пальцами и громким голосом, потом только глазами и голосом, потом «про себя», наконец, в уме. Очень наглядно и даже кажутся излишними экспериментальные исследования, которые, впрочем, вскрыли не только удивительно интересные детали обучения, но и уроки предметности, которые сохраняют высшие психические функции, несмотря на свою автономизацию от предметного действия.

Внешнее предметное действие реализует (экстериоризирует) идеальный замысел и умирает в продукте. С другой стороны, и интериоризация — это своего рода похороны внешней предметной деятельности. А раз у предметной деятельности все равно такая судьба, то зачем ее исследовать? Достаточно признать действие исходной единицей анализа всей психики, неразвитым началом развития целого, а затем найти или выбрать такое действие, которое скорее бы «скончалось», куда-то вросло, будь-то голова, мозг, внутренний идеальный план и т. д.

После этого можно красиво порассуждать относительно левого и правого полушария или о межнейронных взаимодействиях при запоминании, решении задач или о том, что в процессах интерио-

ризации внутренний план впервые рождается, а потом он развивается и способен экстерииоризоваться, выйти наружу либо в той форме, в какой он вошел, либо в какой-то другой форме. Возможностей много, а верифицировать (или фальсифицировать в смысле К. Поппера) их невозможно. Сказанное не означает, что гипотеза интериоризации, вращения неверна. Но пора бы понять, а что собственно вращивается? Неужели так: вросло предметное действие, а из него выросло перцептивное, мнемическое или умственное.

Ведь для того чтобы нечто вросло куда бы то ни было, а тем более было способно что-то породить, это нечто само должно уже быть. Оно должно появиться, родиться, как-то оформиться, хотя бы подрасти, приобрести порождающие способности.

Простая двигательная реакция в ответ на стимул тоже представляет собой предметное действие. Реакция может повторяться бесконечно, но она ничего не породит и никуда не «вратет». Она или выполняется, или не выполняется. Если же взять сложные формы предметной деятельности и попробовать их формировать, то окажется, что такие формы представляют собой особую территорию, поле, на котором при соответствующей обработке можно выращивать образы, программы, схемы памяти, интеллектуальные операции и т. д. Дело не в сокращениях и редукции (кстати, этот принятый в контексте исследований интериоризации термин вполне двусмыслен), а в совершенствовании внешней исполняющей формы действия, *в рождении и развитии его внутренней или внутренних форм*. Последние могут быть весьма разнообразны и функционально различны. Важно отметить, что внутренние формы представляют собой реальность субъективного и не поддаются тем не менее «языку внутреннего», ускользают от него, отличаются от него и упорно сопротивляются любым своим концептуализациям. Это похоже на невозможность концептуализировать множество оттенков широкой гаммы эмоциональных переживаний, оттенков цвета, запахов и т. п.

Проблема интериоризации тесно переплетена с проблемой границы между внешним и внутренним в традиционном психологическом и более широко — гуманитарном смысле разделения *психического мира* на внешний и внутренний. Правда, обе границы стоят друг друга, о чем не без иронии писал все понимавший Гёте:

Мирозданье постигая,
Все познай, не отбирая:
Что — внутри, во внешнем сыщешь;
Что — вовне, внутри отыщешь.
Так примите без оглядки.
Мира внятны загадки.

А вот из его «Максим и рефлексий»: «Поэзия, которая изображает только внутренний мир, не воплощая его во внешнем, или только внешнее, не давая прочувствовать его изнутри, в равной степени попадает на ту последнюю ступень, с которой она сходит в обыденную жизнь»¹. Психология не раз сходила с этой последней ступени, вновь поднималась... и до сего времени не нашла удовлетворительного решения проблемы внешнего и внутреннего². В дальнейшем мы будем говорить о внешней и внутренней формах существования психического, т. е. психической деятельности.

А. М. Пятигорский обратил внимание на то, что и понятие «предметная деятельность» теоретически не построено в психологии. Заимствованные из философии понятия предметной деятельности, внешнего и внутреннего используются в психологии вполне натуралистически. Резонно задаться вопросом: почему взято именно понятие предметной деятельности, а не близкое ему в философии Гегеля и Маркса понятие духовно-практической деятельности? Почему С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев предпочли первое понятие? После введения понятия предметной деятельности из него постепенно вытравились не только духовность, идеальное, принадлежащее субъекту деятельности, но и душа ее предмета, которая вкладывалась в него при его создании. Предмет стал материальной вещью, утратил знаково-символические функции, свойства утвари-тварности. Деятельность получила странные эпитеты: не духовная, а материальная, у П. Я. Гальперина часто — материализованная. Кстати, последний термин весьма разумен и был, видимо, введен не без свойственного ему остроумного ехидства. Ведь материализоваться может лишь идеальное, духовное.

¹ Гёте И. В. Об искусстве. М., 1975. С. 586.

² См.: Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994.

По отношению к материальному термин *материализация* не имеет смысла.

Перейдем к собственно понятиям интериоризации и экстериоризации. Первый процесс — это «вращивание» внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю; второй — выход внутренней деятельности наружу, вовне. От длительного употребления терминов *интериоризация* и *экстериоризация*, стоящая за ними реальность перестала восприниматься как драма и загадка развития. Эти понятия стали схематизмом психологического сознания, а стоящие за ними процессы как бы уподобились «водопроводной логике», как в задачках 5-го класса о «бассейнах и портвейнах». Столько-то куда-то втекает и столько-то оттуда вытекает...

Но главное даже не в этом. Если мы хоть как-то представляем себе «оттуда», то есть из «предметной деятельности», то уже совершенно смутно представляем себе «куда». Зачем нужно понятие интериоризации? Выращивание — еще куда ни шло, а вращивание в никуда — это же мистика. Начнем с первого хода Л. С. Выготского. Психическая функция рождается дважды. Сначала в совместной (по Д. Б. Эльконину — в совокупной) деятельности, а затем в индивидуальной. Развитие идет от интерсубъективной деятельности к интрасубъективной. Один субъект делится своей предметной деятельностью и ее средствами-медиаторами с другим. В этом смысл понятия интериоризации у Выготского. Не телепатия, а передача деятельности, и *второе*, а не первое *рождение* высших психических функций. Позднее, в концептуальной схеме П. Я. Гальперина передача предметной деятельности и первое рождение высших психических функций остались за скобками. Он убрал посредника, который был у Л. С. Выготского. Интериоризация стала связываться лишь со вторым рождением.

Альтернативой теории интериоризации может служить идея дифференциации. Целое действие не складывается, не составляется из готовых частей. Их просто еще нет. Наоборот, оно органически развивается, дифференцируется на части, которые впоследствии отрываются от целого, автономизируются. (Мандельштам сказал бы выпархивают из целого.) Это другой взгляд на интериоризацию, взгляд, делающий, возможно, излишним само понятие, которое исчерпывает свой объяснительный потенциал. Если с самого начала признать, что предметная деятельность в такой же степени материальная, как и идеальная; если признать, что живое

движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними; если, наконец, признать что сама предметная деятельность есть идеальная форма, то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним. Его место уже начинает занимать понятие дифференциации живого ли движения, предметного ли (или социального) действия³.

Предметное действие не интериоризуется, оно сохраняется как таковое или бесконечно совершенствуется, или разрушается от неупотребления. Оно остается самим собой. Другое дело, что рожденные и выращенные в предметном действии плоды могут автономизироваться от него, использоваться в другой констелляции с другими родственными плодами и по другому поводу. Это можно сравнить с восприятием предмета, который будучи воспринят останется самим собой. Но ведь и предметное действие в случае так называемой интериоризации остается самим собой, оно продолжает храниться в памяти, в моторных программах и актуализируется вновь и вновь. Иную судьбу могут иметь сложившиеся в нем и обогатившие его внутреннюю форму новообразования. Их собственное развитие заключается в пока еще не названном сложнейшем, порой мучительном процессе, скорее деятельности духа по поиску своего истинного предмета-материала, предмета-призвания, предмета-действия, предмета-поступка, предмета-себя, предмета-свободы, предмета-потребности. Если возврат к предметной деятельности затруднен или невозможен, недолго сойти с ума.

Сказанное не означает, что богатейшая эмпирия, порожденная теорией интериоризации, — например, обнаруженные факты возникновения и редукции различных форм внимания, получивших почему-то наименование ориентировки в материале и контроля результатов, онтогенетическая хронология развития различных психических действий (от сенсорных до умственных) и т. д. — обречена на забвение. Эту эмпирию можно и нужно рассмотреть не с точки зрения интериоризации, погружения, вращивания, не с точки зрения инволюции предметного действия. Ее нужно рассмотреть с точки зрения эволюции интрасубъектных форм предметной деятельности, роста, выращивания на поле деятельности

³ См.: Гордеева Н. Д. Экспериментальная психология исполнительного действия. М., 1995.

высших психических функций, ментальных образований, артефактов, функциональных органов, амплификаторов, форм превращенных и т. п. Психология все еще не нашла адекватные термины для их обозначения.

Подобная смена фокуса внимания с интериоризации на экстериоризацию позволит освободиться от многих псевдопроблем, например, что происходит с самой предметной деятельностью после ее интериоризации? Смена фокуса внимания позволит найти аналоги и прототипы предметной деятельности не только для счета в уме, чтения про себя, а для всего богатства нашего душевного мира. Она позволит найти подходящее место и разнообразным формам внимания на всех этапах большого пути, который проходит развитие высших психических функций, постепенно автономизирующихся от внешней предметной деятельности, но сохраняющих на себе ее следы.

Эмансипация мышления от внешнего предметного действия, трансформация его в вербальный интеллект уменьшает его возможности непосредственно руководить предметно-практическим действием. Это своеобразная расплата субъекта за свободу мышления. К счастью, развитие формально-логического мышления не уничтожает его предметно-практических корней. Это замечательно описал М. Булгаков в «Белой гвардии»: «Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно трудных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт». Простим писателю ссылку на инстинкт. Она ничуть не хуже более привычных психологам ссылок на интуицию, иррациональное или бессознательное. Все они не более чем метафоры и будут оставаться таковыми, пока мы не поймем, что собой представляет знание до знания, каким образом оно добывается и обеспечивает регуляцию предметно-практических действий. Это и есть объективная реальность субъективного, которая не может быть сведена к актам, действиям какой-либо «знающей» сущности, к ее умственным построениям. Иначе необъяснимым и даже скандальным «чудом» для естественно-научной картины мира была бы, например, превосходно описанная М. Булгаковым точность свободного действия и обеспечивающих его структур (превосходящая, как известно, и точность инстинкта, и точность мышления).

Когда мышление, рефлексия автономизируются от действия или становятся действиями слишком умственными, практическое действие и его субъект могут завязнуть в них, утратить имя действия:

Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиися мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!

В. Шекспир

Автономизация высших психических функций предполагает увеличение степеней свободы в оперировании предметностями мира, позволяет осуществлять его дальнейшее опредмечивание и распределенное. Высшие психические функции автономизируются не только от внешней предметной деятельности, но и от воли породившего их субъекта. Его увлекает поток внимания, сознания, мысли, на него накатывает и захлестывает волна чувств. Он подчиняется потоку, из которого не всегда легко выбраться.

В конце концов происходит рождение не просто образа мира, а нового мира, как бы мы его не называли: пневмосферой, образно-концептуальной моделью, духовным организмом, ноосферой, миром сознания, хронотопом, семиосферой... Он оказывается настолько сложным, что многие науки и в их числе психология прилагают огромные усилия, чтобы приоткрыть его тайны, построить его образ. Нелепо прятать этот мир внутри, в себе. Да и не спрячешь при всем желании. Мир своей души можно передать другому, подарить только в слове (ср. М. М. Бахтин: «Душа — это дар моего духа другому»). И от этого дара душа не оскудевает. Наоборот, чем больше даришь, тем больше остается.

Мы полагаем, что питательное для психологии поле исследований действия еще мало распаханно. Его культурно-историческая обработка дает богатый урожай. Ведь в конце концов и «умное делание» (не только в теологическом смысле) произрастает на поле действия. А будучи опосредствовано сознанием, действие трансформируется в поступок, который является результатом и условием познания человеком самого себя. Здесь мы сталкиваемся с совер-

шенно новой проблемой. Каким образом автономизировавшиеся от предметного действия мысль, мышление, сознание вновь «вращиваются» в него на следующем витке формирования и развития?

Внутренняя дифференциация действия связана с тем, что оно носит опосредствованный характер. Действие опосредствовано многими внешними и внутренними обстоятельствами. Поэтому его сложность соизмерима со сложностью мира, в котором оно осуществляется. Здесь действие выступает, так сказать, в страдательной роли, в своей зависимости от мира. Но одновременно с этим действие ведь выполняет и активную, творческую роль. Оно само опосредствует отношения человека с миром, с другими людьми, т. е. является не только опосредствованным, но и опосредующим. Для того чтобы опосредствованное действие стало активным посредником в отношениях человека с миром, оно само должно стать как бы непосредственным, естественным и свободным, как полет Терпсихоры. Это не мешает тому, чтобы на следующем витке развития непосредственное действие вновь стало опосредствованным.

Ссылка на философию, на диалектику развития не снимает психологической проблемы механизмов взаимной трансформации непосредственного и опосредствованного. Здесь более пригоден, во всяком случае — более понятен парафраз уже известной нам мандельштамовской метафоры: действие — садовник, оно же — и цветок. Это особый и специальный сюжет о посредническом действии или о действии-посреднике — главной движущей (толкающей, вызывающей) силе и главном механизме психического развития.

Психология в анализе действия шла от простейших стимульно-реактивных схем, от дурно понятой приписываемой Декарту рефлекторной дуги. Постепенно дуга трансформировалась. В нее включались промежуточные, привходящие переменные, внутренние процессы, которые должны были преодолевать реальную неопределенность стимулов и неопределенность реакций. Такое преодоление сохраняло поведение адаптивным, несмотря на усложнение ситуации. Затем дуга превратилась в кольцо, в котором, как известно, не так легко указать начало и конец, что в нем — стимул, а что — реакция. Они как бы вовсе исчезают. Точнее, стимулы создаются субъектом действия. Парадигма реактивности уступила место парадигме активности. Мертвая реакция, линейная стимульно-реактивная схема стала живым кольцом. Но даже если в кольце

действительно происходит вихревое движение Декарта, оно не может вечно оставаться кольцом. Оно разрывается или взрывается, но не по внешней, а по своей собственной логике (и психологии), итогом чего является превращение замкнутого кольца в бесконечную спираль развития действия, деятельности, сознания...

Как в культурно-исторической психологии (в варианте Л. С. Выготского), так и в психологической теории деятельности (в варианте А. Н. Леонтьева) функционирование и развитие психики предполагает наличие тех или иных средств.

Последние могут быть либо внешними (вещными), либо внутренними (идеальными, ментальными). Сам акт развития в этих направлениях психологии часто трактовался как акт интериоризации, т. е. превращения внешнего средства деятельности во внутреннее, точнее, внешнего средства во внутренний способ ее осуществления. Идея спиралеобразного развития требует ввести дополнительные расчленения и различия.

Движение и действие выступают в роли не только материала, средства, но цели развития (цели, которая не оправдывает средства, а опробывается ими). Акт развития в собственном смысле этого слова состоит в превращении форм: внешняя форма может трансформироваться во внутреннюю, внутренняя — во внешнюю. Конечно, имеется совершенствование и трансформация в пределах каждой из этих форм. В любом случае совершенствование и трансформация предполагает наличие каких-то средств, поэтому развитие носит опосредствованный характер.

В этом пункте размышлений следует отметить одну принципиальную и вместе с тем терминологическую трудность. Она связана с понятием медиатора. В логике культурно-исторической психологии (в варианте Л. С. Выготского) медиаторами развития называются *внешние* по отношению к человеку средства: орудие труда, детская игрушка, знак, слово, символ, миф и т. д.

С другой стороны, движение, действие, деятельность в логике психологической теории деятельности тоже являются медиаторами, средствами развития. Проще всего их можно было бы назвать *внутренними*, собственными средствами развития. Однако по отношению к орудийным (знаковым, вербальным, символическим) действиям медиаторы типа знака, слова, символа из внешних становятся внутренними, собственными орудиями человека.

Получается какая-то сложная для исследования «физическая метафизика». С этой трудностью мы будем постоянно сталкиваться в дальнейшем. Ее причина в бедности нашего психологического словаря. Помощь может прийти из концептуального языка современной философии, где проблема соотношения внешнего-внутреннего интерпретируется, в частности как проблема отношения «слово как знак — смысл». И мы полагаем, что перенос этого концептуального новообразования в культурно-историческую психологию поможет нам наиболее адекватно осознать ее преемственность с традицией положительной философии на русской почве и раскрыть психологический потенциал последней.

Действия осуществляются с внешними орудиями или с орудиями ментальными, имеющими квазивещественный характер (знак, слово, символ). Конечно, интериоризируются не внешние (вещные) орудия, а их значения и смыслы.

Сложность проблемы развития функциональных органов связана с тем, что объективно функциональные органы полифункциональны, полифоничны. Например, движение и действие могут выступать в роли материала, средства (формы активности или формы оперирования с медиатором) и цели развития. Это справедливо как по отношению к внешним, так и по отношению к внутренним формам. Когда акт развития состоялся, т. е. когда цель достигнута и одна форма трансформировалась в другую, последняя может превратиться в материал и средство для формирования нового функционального органа-новообразования в следующем акте функционирования и развития. По существу мы имеем дело с саморазвитием, понимаемым как открытый процесс. Он открыт к усвоению все новых и новых медиаторов и их разновидностей.

В процессе развития совершенствуются не только внешние формы, но и обогащаются внутренние формы. Необходимым условием развития является произвольная экстериоризация внутренних форм. Произвольность движений по аналогии с произвольностью речи — это наиболее очевидное свидетельство наличия не только собственной, не навязанной извне цели, но и наличия внутренней формы, внутренней картины, зрительного, кинетического или интегрального образа желаемого и требуемого действия. Столь же очевидны (хотя часто недостаточно точны) наши представления об имеющихся у нас моторных способностях и возможностях,

например, о величине шага, прыжка, скорости бега, возможности развития усилия и т. п. Другими словами, нет сомнений в том, что существует не только внешняя форма движений, но и их внутренняя репрезентация в форме слов, образов, планов, схем, правил, программ, команд исполнения. Нет сомнений и в том, что обе эти формы как-то связаны друг с другом. Но как они связаны?

Умозрительных конструкций этой связи было предложено немало. Движение действительно регулируется чувствованиями, образами, аффектами, страстями. Столь же верно, что чувствования, внимание, образы, страсти невозможны без движения, действия. Движения в не меньшей степени, чем электромагнитные колебания оптического диапазона, чем свет и цвет, представляют собой строительный материал зрительных и иных образов. Успешные и неуспешные действия порождают аффекты, эмоции, потребности. Поэтому нелепо звучат старые вопросы о том, что первично, что чем детерминируется. В реальной жизни все первично и все вторично, имеется взаимная детерминация как случайного, так и телеологического характера, детерминация по внешней или внутренней, собственной цели. Детерминация внешними средствами и обстоятельствами столь же реальна, сколь детерминация собственными средствами и состояниями субъекта.

Внешняя и внутренняя формы движения и действия появляются сразу, одновременно, хотя обе они, конечно же, при своем появлении могут быть трижды несовершенными. Но все равно трижды был прав Г. Г. Шпет, говоря, что нет ни одного атома внутреннего без внешности. Однако и это не решение проблемы, поскольку внутреннее, как, впрочем, и внешнее, могут быть в зачаточном состоянии. По-прежнему свежо звучит вопрос, поставленный И. Ньютоном: «Каким образом тела животных устроены с таким искусством, и для какой цели служат их различные части? Каким образом движения следуют воле, и откуда инстинкт у животных?»⁴ Можно было бы, вслед за И. Р. Пригожиным, «упростить» этот вопрос: «Как образуется порядок из хаоса?», если бы мы твердо знали, что такое порядок и что такое хаос, чем они концептуально и практически отличаются друг от друга? Возможен ли в живой системе полностью беспорядочный хаос и достигим ли полный без

⁴ Ньютон И. Оптика. М.-Л., 1927. С. 287.

следов хаоса порядок? Между прочим, не менее осмысленна постановка вопроса, как образуется хаос из установившегося или кем-то установленного порядка? И наконец, вовсе не праздный вопрос: где локализована свобода — в хаосе или в порядке? Без вразумительных ответов на эти вопросы едва ли целесообразно исследование понятий хаоса и порядка в исследованиях живого.

И. Р. Пригожин, обсуждая диссипативные структуры или открытые системы потокового типа, говорит об их способности создавать и сохранять определенный уровень порядка в своей организации⁵. Вводимое понятие «уровень порядка» должно быть опредмечено, тогда оно может быть и операционализировано применительно к изучению живого, в частности живого движения. В контексте физиологии активности (психологической физиологии) продуктивно используется понятие «степени свободы» живых организмов. Способность к их развитию или, что не менее важно, способность к их обузданию и преодолению вполне предметно могут характеризовать то, что И. Р. Пригожин называет уровнем порядка.

Не будем умножать сущности. Однако обратим внимание на идею взаимоперехода концептуальных новообразований и проблемных пунктов из одной области психологии в другую. Ведь сферы культурно-исторической психологии и психологии поступка (включающей и движения, и действия, и поведение, и деятельность, и деяния) соотносимы друг с другом, поскольку и слово и действие (деяние, поступок и т. д.) есть знак, символ или медиатор человеческого общения и понимания. Или, если перевести это на язык психологии развития — «узел развития». «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия». В этих строчках Мандельштама удивительно точно характеризуется ситуация развития, которая представляет собой не только завязывание узлов, но и их развязывание. Последнее не менее важно и, порой, представляет собой значительно большие трудности. Невозможность развязать узел нередко означает конец развития, а то и смерть. Трудности же в развязывании жизненных узлов сопровождаются духовными кризисами роста и развития.

Конструктивизм как умонастроение и как методология

Любое научно-исследовательское направление, выполняющее в научной культуре интегративную функцию, очень часто сравнивают с кораблем Одиссея, движущимся между Сциллой и Харибдой. Частота употребления этой метафоры указывает на реальное положение дел в науке. Интегративное научное направление всегда вынуждено лавировать между сложившимися научными крайностями интерпретаций, подходов, точек зрения. В случае с культурно-исторической психологией — этот образ оправдан: с одной стороны, она вынуждена противостоять давлению физиологизма, пытающегося объяснить все психические феномены через физиологические явления, в том числе через их редукцию к физиологии высшей нервной деятельности, а с другой — пытается избежать конструктивистских тенденций, абсолютизирующих познавательную активность субъекта. Нас в данном случае будут интересовать исследовательские риски, связанные с внедрением конструктивистских методологических подходов в психологические изыскания. И прежде всего потому, что анализ рисков физиологизма в психологии уже имеет длительную методологическую традицию.

Термин «конструктивизм» используется обычно для обозначения целого ряда похожих друг на друга идейных тенденций, обнаруживающих себя в весьма различных областях культурной деятельности. От математики до живописи, от психологии до архитектуры. В общем, это более или менее ясно осознаваемое умонастроение, представляющее конструирующую способность человека в любом типе деятельности как выражение самой сути этой деятельности, как исчерпывающее выражение самой специфики данного типа деятельности.

⁵ Пригожин И. Р. От существующего к возникающему. М., 1985.